

Научная статья
УДК 291.14
EDN: PKLQYT
DOI: 10.35231/18186653_2025_3_126

Философские основания классификации и типологии в науках о религии

К. В. Кринцюс

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В данной статье предпринята попытка общего философского обоснования методов классификации и типологии в рамках их проблематического соотношения с предметом науки о религии. В вводной части статьи выявляется необходимость проблематизации упорядочивающих методов в науках о религии и кратко описывается структура последующего изложения.

Содержание. Признавая принадлежность классификационного метода к области логического, осуществляется проблематизация познавательного статуса логики и определяются онтологические и гносеологические границы данной науки. Указывается на иррациональные элементы в составе объекта наук о религии, ссылаясь на некоторые теоретические разработки в антропологии, философии и феноменологии религии. Формулируется вопрос о границах применимости логических методов для познания подобного рода объектов. Постулируется необходимость проблематизации логики с позиций философии бытия и философии мышления. Рассматриваются различные точки зрения исследователей на предмет онтологических и гносеологических оснований классификационного метода. Анализируются достоинства и недостатки рассматриваемых позиций. Обосновывается необходимость рассмотрения данного вопроса с позиции философского критицизма. На основе теоретических положений критической онтологии и критической гносеологии выявляется общее проблематическое ядро, на основании которого возникают методы классификации и типологии. Определяются структурные следствия, которые имеют силу для приложения методов упорядочения к специфической предметности наук о религии. На фундаменте вскрытого онтологического противоположения модусов фактичности и существенности и вскрытого гносеологического противоположения идиографического и номотетического определяются онтологические, гносеологические и предметные основания методов упорядочения. Исходя из этих оснований, строятся сперва промежуточные, а потом сущностные дефиниции методов классификации и типологии. На основе полученных результатов указывается способ перехода от общего рассмотрения упорядочивающих методов к их частнопредметному приложению в науках о религии.

Выводы. В заключительной части кратко описываются промежуточные результаты, возникшие в ходе предшествующего исследования. На основе полученных результатов выстраивается итоговый вывод о надлежащем способе предметного и межпредметного структурирования наук о религии в связи с реализацией общих классификационных и типологических задач.

Ключевые слова: классификация, типология, науки о религии, методология, логика, критическая онтология, гносеологический критицизм, предмет, объект, религия.

Для цитирования: Кринцюс К. В. Философские основания классификации и типологии в науках о религии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 3. – С. 126–142. DOI: 10.35231/18186653_2025_3_126. EDN: PKLQYT

Original article
UDC 291.14
EDN: PKLQYT
DOI: 10.35231/18186653_2025_3_126

Philosophical Bases of Classification and Typology in the Sciences of Religion

Kirill V. Krintsius

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Introduction. This article is devoted to the general philosophical justification of methods of classification and typology within their problematic relationship with the subject of science of religion. In the introductory part of the article, the need to problematize orderly methods in the sciences of religion is identified and the structure of the subsequent presentation is briefly described.

Content. Recognizing that the classification method belongs to the field of logic, the study problematizes the cognitive status of logic and finds ontological and gnoseological boundaries of this science. The study points to irrational elements in the object of the sciences of religion, referring to some theoretical developments in anthropology, philosophy and phenomenology of religion. The question of the limits of the applicability of logical methods for learning such objects is formulated. There is a need to problematize logic from the positions of philosophy of being and philosophy of thinking. The different points of view of researchers on the ontological and gnoseological basis of the classification method are considered. The strengths and weaknesses of the positions considered are analysed. It is justified to consider this question from the standpoint of philosophical criticism. On the basis of theoretical provisions of critical ontology and critical epistemology, a common problematic nucleus emerges, on the basis of which methods of classification and typology arise. Structural consequences are defined, which have the power to apply methods of organization to a specific subject of sciences about religion. On the basis of the revealed ontological antiposition of modules of factuality and materiality, and the revealed episodic antiposition of idiotic and nomothetic, the ontological, enological and substantive bases of methods of organization are defined. Based on these bases, first intermediate and then essential definitions of classification methods and typology are built. On the basis of the results obtained, it is indicated a way to move from the general consideration of regularizing methods to their subject-specific application in the sciences of religion.

Conclusions. The final part of the study briefly describes the intermediate results that emerged during the previous study. On the basis of the results obtained, a final conclusion is drawn on the appropriate way to structure the subject and inter-subject sciences of religion in connection with the implementation of general classification and typological tasks.

Key words: classification, typology, science of religion, methodology, logic, critical ontology, gnoseological criticism, objectivity, object, religion.

For citation: Krintsius, K. V. (2025) Filosofskie osnovaniya klassifikatsii i tipologii v naukah o religii [Philosophical Bases of Classification and Typology in the Sciences of Religion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 126–142. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_3_126. EDN: PKLQYT

Введение

В ходе своих исследований каждый религиовед сталкивается с необходимостью упорядочения многообразных проявлений религиозного. Возникают задачи, связанные с классифицированием различных религий или с типологизацией религиозных феноменов в рамках одной из конфессий, или же с упорядочением множества разнородных отношений между действительностью и религией как таковой. Конечной целью всех подобных разработок всегда было и остается ясное и отчетливое структурирование предметного поля науки о религии. Кроме этого, как справедливо отмечает Е. Н. Васильева: «Классификации религий не только упорядочивают сведения о религиях, но и задают концептуальный ракурс их рассмотрения» [3, с. 214]. В этом отношении значимость упорядочивающих методов трудно переоценить, однако при всей их значительности вполне может показаться, что процедуры эти являются самоочевидными и не требуют отдельного разговора: правила логического деления уместаются всего на паре страниц любого из учебников логики и не таят в себе никаких затруднений, а всякое упорядочение есть лишь реализация этих общих требований над каким-либо частным содержанием – любая проблематизация здесь оказывается как будто бы излишней.

Однако именно к проблематизации вопроса о типологии и классификации взывает сама история науки о религии, поскольку за всю эту историю предметное поле религиоведения так и не было однозначным образом структурировано. Задача разграничения предметного поля остается открытой не только на уровне исследуемого материала, но и на уровне междисциплинарного взаимодействия наук о религии. Так, современные исследователи заявляют: «Вопросы, связанные с самопониманием религиоведения, еще являются предметом активного обсуждения, причем выработка консенсусных решений значительно осложняется спецификой как процесса институализации наук о религии, так и концепуализации ее отрасли знания» [14, с. 8]. Помимо того что формальная структура религиоведения продолжает требовать более четкого классификационного определения, внутри каждой из областей этой науки мы также не можем найти ни одной классификации, которая была бы общепризнанной.

Все это заставляет усомниться в достаточности простого следования формальным правилам для решения классификационных задач в науках о религии и призывает к закономерному вопрошанию о том, не накладывает ли сам предмет религиоведения дополнительных требований к упорядочивающим процедурам, которые кажутся столь однозначными на первый взгляд. Для ответа на этот вопрос мы рассмотрим вначале общую теорию классификации и попытаемся выявить в ней то проблематическое ядро, которое заявляет о себе в сфере наук о религии, а затем попытаемся найти общее концептуальное решение, на основе которого предмет и метод могут быть сообразованы.

Содержание исследования

Теория классификации традиционно считается частью формальной логики. Базовые принципы деления понятия были заложены еще Аристотелем в его учении о построении определения [1, с. 334–339] и в его учении о четырех предикациях (основных классах определенности сказуемого) [1, с. 351–355], которые можно считать наиболее общими видами делителей логического объема [6, с. 191–192]. С тех пор, как замечал в свое время еще И. Кант [17, с. 22], формальная логика не совершила ни одного шага ни вперед, ни назад: оставаясь внутри себя завершенной наукой, она претерпевала изменения лишь в сфере уточнений, оптимизаций и сокращений. И. Кант считал, что логика пребывает в беспроблемном качестве, поскольку ее границы положены однозначно и четко: она занимается формами мыслительных процедур безотносительно к их содержанию. Действительно, границы этой науки отделяют ее от онтологических и гносеологических проблем. К черте онтологического логика приближается в своем понятии о всеобщем роде (*sumtum genus*), которое она необходимым образом постулирует (так как без него не может завершиться), но которое вместе с тем неспособна никак использовать (так как по определению при максимальном объеме всеобщий род обладает отсутствующим логическим содержанием) – здесь завершается логика и начинается онтология, поднимающая вопрос о сущем как таковом. К рубежу гносеологической проблематики логику приближает вопрос о соответствии элементов ее предметности познаваемым объектам действительности. Именно переход

через две эти границы (в границах самой же логики) ведет к возникновению логических парадоксов: по отношению ко всеобщему роду (который включает в свой объем самого себя) – парадокс Эпименида, парадокс Г. Кантора, парадоксы Б. Рассела и др.; по отношению к соответствию логического предмета реальному объекту – парадокс Евбулида, апории Зенона и др. Однако то, что логика вытесняет из себя общефилософскую проблематику, еще не означает, что эту дисциплину нельзя философски проблематизировать, в таком случае она сама становится предметом философии бытия или философии мышления. Правомочность последнего гарантируется тем, что мышление отнюдь не исчерпывается логикой, но наряду с логическими законами мышлением управляют также законы ассоциации, причем оба этих рода законов являются гетерогенными друг к другу: «Мышление находится в своеобразном положении, пребывая между двумя несхожими закономерностями одновременно. Оно образует поле боя собственных, разрывающих его гетерогенностей» [16, s. 276], – писал Н. Гартман.

Осознание этого положения играет важную роль для религиозоведения, так как жизнь религиозного сознания протекает не только на уровне логических закономерностей, но и в гораздо более глубоких сферах мышления, которые Л. Леви-Брюль, например, называл *пра-логическими* [7, с. 49], полагая их подчиненными закону *партиципации*, альтернативному логическому закону противоречия. На алогическую стихию мифологического мышления, но теперь уже в отношении закона исключенного третьего, указывал также Я. Э. Голосовкер. Пытаясь вскрыть *логику чудесного*, он утверждал: «Такова логика мифа. При дилемме – либо – либо, – когда согласно формальной логике *tertium non datur* (третьего не дано), логика чудесного утверждает обратное: *tertium datur* (третье дано) ... Таким образом логика чудесного замещает закон исключенного третьего *законом неисключенного третьего* и тем самым создает положительное понятие абсурда, ибо в мире чудесного *не существует reductio ad absurdum* – сведения к нелепости» [4, с. 141–142]. На иррациональности чистого религиозного опыта настаивал основоположник феноменологии религии Р. Отто [18, s. 81]. То обстоятельство, что объект науки о религии включает в себя алогические элементы, которые нельзя считать малосуществен-

ными, призывает к проблематизации того, в каких границах и в каком отношении здесь релевантны средства логического анализа. Это затрагивает более общую проблему отношения логического к алогическому и отсылает к философскому вопросу об онтологических и гносеологических основаниях логики. И коль скоро теория классификации является частью логики, данный вопрос напрямую относится также и к ней.

Проблему онтологических аспектов классификации ставит, например, М. П. Покровский, утверждая, что главной онтологической особенностью классификации является ее междисциплинарность [11, с. 30–32]. Однако его понимание не раскрывает в полной мере философский смысл данного вопроса, подменяя значения понятий онтологического и эпистемологического.

Теория классификации А. Л. Субботина также затрагивает проблему онтологических оснований упорядочивающего метода [13, с. 18–23]. Ученый полагает, если классификационная процедура мышления претендует на какую бы то ни было истинность, то непременно должна иметь для себя некоторое соответствие в онтологическом членении объективного мира. Это соответствие обеспечивает то, что природа имеет тенденцию к «... постоянному повторению порождаемых ею образований» [13, с. 19]. Тем же принципом характеризуется и всякая человеческая деятельность, следовательно, и в царстве природы, и в царстве культуры можно усматривать некоторую, хоть и не вполне четкую, раздельность и обособленность схожих образований – и адекватно отобразить это объективное членение призвана как раз классификация. Ученый замечает: «В мире континуума, лишённого какой-либо дискретности, классификация была бы невозможна, как была бы невозможна арифметика» [13, с. 37–42].

Автор термина *классиология* [10, с. 232], обозначающего проект создания отдельной науки о классификации, В. Л. Кожара, рассуждая об онтологической проблематике классификации, выделяет две крайние позиции, одна из которых постулирует реальность классифицирующих абстракций (позиция классификационного реализма), а другая – номинальность (позиция классификационного номинализма) [5, с. 98–99]. Сам автор указывает на невозможность однозначного разрешения проблемы вследствие неопределенности понятия о реальности и предлагает осуществить предварительную разработку «клас-

сификации реальностей» в качестве способа приближения к ответу на этот фундаментальный вопрос: «Но, как уже сказано, обсуждение этих положений затруднено неопределенностью самого понятия *реальность*. Нет классификации реальностей. Между тем ясно, что реальности, например, булыжника, фотона, закона сохранения энергии и рассматриваемых постулатов – это реальности разные» [5, с. 99]. Не говоря уже о том, что подобный ход мысли явно ведет к логической ошибке *petitio principii* (теорию классификации предлагается обосновать посредством классифицирования же), все-таки следует сказать, что на уровне философских обобщений понятие *реальность* не терпит употребления во множественном числе: единство реальности есть то необходимое условие, благодаря которому различные способы данности бытия вещей, процессов и состояний оказываются связанными на общем основании, вне которого научное познание принципиально невозможно. Реальность – это наиболее общий способ бытия всего того, что имеет во времени свое место и свою длительность, и в этом смысле реальность «булыжника, фотона и закона сохранения энергии» одна и та же – в противном случае названные элементы утратили бы всякую связь между собой. Таким образом, предложенный способ решения следует признать неудачным.

Не только онтологические, но также и гносеологические аспекты классификации пытается выявить В. В. Омельченко [8, с. 37–42]. Этому ученому принадлежит выдающаяся заслуга разработки математического обоснования классификации на уровне теории множеств [9], однако в отрешенной от количественного аспекта части общего понятийного рассмотрения его теория классификации, как нам представляется, не лишена некоторых недостатков. Онтологическую проблему классификации В. В. Омельченко усматривает в принципе индивидуации, а онтологическое основание – в необходимости соответствия результатов классифицирования истинному порядку природы. Гносеологический аспект в данном случае состоит в том, что логика классификационного распределения оказывается инвариантной и индифферентной предметному содержанию объектов реальной действительности, а «гносеологическая сущность» классификации заключается в принципе тождества неразличимых, с одной стороны, вы-

ражающегося в абстрактном равенстве элементов внутри класса, с другой стороны – в единстве содержательных характеристик элементов иерархии логического объема.

Обобщая приведенные точки зрения, можно отметить, что выделение гносеологических аспектов наряду с онтологическими является более продуктивным ходом мысли, поскольку позволяет подвергнуть проблему классификации дистинктивному рассмотрению. В рамках чисто онтологической проблематизации почти все исследователи сходятся в признании определяющего значения вопроса о соответствии между результатами распределения объема логических понятий и структурой реального разграничения сущего, тем самым явно или неявно отсылая к *спору об универсалиях*. Проблема универсалий, как известно, не имеет прямого решения, поэтому здесь будет тщетным занимать ту или иную позицию, но гораздо важнее попытаться отыскать способ дезактуализации данного проблематического ядра, который смог бы примирить невозможность однозначного выявления фоновых диспозиций метода с необходимостью его предметной реализации. Наиболее пригодным для этого может оказаться подход философского критицизма, в рамках которого, предварительно разделив сферы онтологических и гносеологических предпосылок, будет плодотворным, на наш взгляд, обратиться, с одной стороны, к проекту *критической онтологии* Н. Гартмана, а с другой – к *критической гносеологии* неокантианской школы.

Онтологический критицизм начинается с дистинкции естественной и отрефлексированной установки (*intentio recta et intentio obliqua*) [16, с. 46–47] и далее, проходя через предваряющую критику онтологических учений, базирующихся на *intentio obliqua*, приходит к ключевому пункту принципиального отрешения философии бытия от экстраполяций философии мышления: в онтологии мыслимость должна полагаться частью сущего, которое в общем отношении индифферентно к фактору собственной познаваемости, – границы познания здесь не должны приниматься за границы бытия.

Следует сказать, что под данную критику подпадает также и онтологическое обоснование классификации В. В. Омельченко: коль скоро именно гносеология занимается отношением познания к действительности, выделение *principium individua-*

tionis в качестве ключевой проблемы данного метода относится именно к гносеологическому, а вовсе не к онтологическому рассмотрению. Философские понятия не терпят приблизительных значений, в противном случае теория заражается ошибкой учетверения термина (*quaternio terminorum*), пускающей скрытые метастазы во все области дальнейшего учения. Это явственно прослеживается в теории классификации В. В. Омельченко: только что указанная неточность, а также неточности, связанные, например, с тем, что классификационный метод причисляется к методу диалектическому на том основании, что оба этих метода объединяют в себе тождество и различие [8, с. 373], тогда как на самом деле тождество и различие объединяются в них по-разному: в классификации – последовательно, в рамках движения по нескольким ступеням членения объема, а в диалектике – одновременно, в рамках одной ступени стадийного синтеза. Или неточности, связанные с тем, что классификация внезапно ставится в ряд основных законов мышления, тогда как для того, чтобы заявить такой статус, нужно сначала доказать несводимость классификации к четырем другим, хорошо известным нам законам мышления, в то время как автор, наоборот, на протяжении всей книги прибегает к ним для ее обоснования. Все эти и другие неточности приводят к пролиферации логического объема и инфляции логического содержания рассматриваемого понятия, так что в итоге классификация перестает быть частью логического деления и теперь объемлет в себе слишком многое для того, чтобы быть хоть сколько-нибудь определенной. С одной стороны, это позволяет рассуждать о действии классификационного механизма вне области логического, например на уровне реакций животных или даже на уровне жизни клеточных структур [8, с. 28–30]. Но, с другой стороны, это отнимает возможность дать внятное определение другим упорядочивающим процедурам, которые по необходимости становятся здесь разновидностями «фундаментального понятия классификации»: все дефиниции этих видов (типологизации, кластеризации, диагностики и др.) по устранении из них элементов *idem per idem*, оказываются неразличимыми.

Итак, возвращаясь к строгой и последовательной онтологии Н. Гартмана, для нас будет иметь значение то ее положение,

в котором автор отказывается от традиционного, но не вполне удачного разделения сущего на идеальное и реальное бытие и предлагает более конструктивную оппозицию наличного бытия («*Dasein*») и определенного бытия («*Sosein*»), которая выражается в онтологической апории фактичности («*Daß*») и существенности («*Was*») [16, с. 85–86]. Предложенная оппозиция преодолевает абстрактное противопоставление субстанции и экзистенции и притязает на инвариантную относимость ко всем возможным ступеням конкретизации сущего. Поскольку всякая классификация производится в рамках соотношения индивидуального и всеобщего, принципиальным для нас в данном случае станет приложение дистинкции наличного и определенного бытия именно к этой диспозиции. В критической онтологии оно выражается следующим суждением: «Чистая индивидуальность для себя столь же мало возможна, как и чистая всеобщность для себя. Пожалуй, всякое наличное существование индивидуально (и наоборот), а всякая определенность всеобща по форме. Но всеобщее может реально наличествовать только "в" индивидуальном, ибо лишь последнее наделено существованием; а индивидуальное способно быть определенным только в том, что является общим для него самого и для другого, т. е. в том, что по форме в нем всеобщее» [16, с. 61]. Таким образом, всеобщее и особенное не составляют двух полностью изолированных царств, но образуют единую реальность, в которой необходимо дополняют друг друга модусами определенности (*Sosein*) и наличности (*Dasein*). Мы знаем только два общих вида определенности: содержательная и объемная. К установлению первой из них призван метод дефиниции, а второй – метод классификации. Следовательно, интересующее нас обоснование классифицирования состоит именно в модусе определенного бытия (*Sosein*), который наряду с модусом наличного бытия (*Dasein*) выступает неотъемлемым элементом сущего.

В этом свете постулат, гласящий, что религия как предмет религиоведения существует лишь в религиях [19, с. 347], с одной стороны, получает однозначное обоснование, а с другой стороны, начинает требовать уточняющего дополнения: действительно, религия способна существовать лишь в индивидуальном качестве *наличного* разнообразия, но наличные религии не могут обрести модус *определенности* без общего

понятия о религии как таковой. Эта базовая дуальность не может не отражаться в задаче надлежащего структурирования предметного поля наук о религии и вполне однозначно указывает на способ их демаркации. Если верно, что религиоведение выступает интегральной дисциплиной для разобщающегося множества частнопредметных подходов к ее объекту [12, с. 164], и если верно, что всякая попытка объединить философию религии с религиоведением в рамках отношения субординации, в результате не выдерживает никакой эпистемологической критики [2, с. 113]. И если единственное непротиворечивое отношение между ними есть отношение координации [6, с. 193], то очевидно, что указанная выше дуальность предполагает общее разделение предметного поля именно в отношении философии религии и религиоведения, причем такое, что на долю первого выпадает модальность существенности («Was»), а на долю второго – модальность фактичности («Daß»). Однако продолжить это рассуждение рассмотрением исходящей отсюда специфики реализации упорядочивающих процедур можно только после предварительного обращения к их общему гносеологическому обоснованию.

Для этого обоснования имеет смысл обратиться к гносеологическому критицизму, а именно к некоторым положениям баденской школы неокантианства. Несмотря на то что в некоторых своих пунктах оно устарело, а в своем центральном методологическом выводе уже было преодолено критикой представителя марбургской школы того же направления, Э. Кассирера [15, с. 60–92], нас интересует чисто гносеологическая часть учения, которая может быть рассмотрена отдельно от базирующихся на ее основе теоретических построений. Под ней мы в первую очередь подразумеваем разработанное Г. Риккертом гносеологическое учение о соотношении понятия и действительности [20, с. 28–38].

Начиная с вполне убедительной критики наивного представления о познании как об отражении действительности, философ доказывает истинность альтернативной концепции о познании как о преобразовании (*Umbilden*) действительности. Обратим внимание, что в частном смысле правомерность такого воззрения находит подтверждение в закрепившейся в современной науке базовой дистинкции объекта и предмета

исследования: предмет науки есть именно преобразованный объект действительности. Далее действительность оказывается познаваемой лишь благодаря ее гносеологическому преобразованию, вне которого она, следовательно, остается иррациональной. Иррациональность действительности обусловливается совмещением двух принципов, которым она одновременно подчинена: принципа непрерывности всего действительного и принципа разнородности всего действительного. Таким образом, в непреобразованном качестве действительность представляет собой гетерогенную континуальность (*Heterogenes Kontinuum*). В таком состоянии она не может быть схвачена мыслью, и потому – непознаваема. Рациональное преобразование иррационального предполагает два единственно возможных, и потому наиболее общих, варианта своего осуществления: так, гетерогенная континуальность может упорядочиваться либо гомогенно – и тогда действительность преобразовывается в *однородную непрерывность*; либо дискретно – и тогда действительность преобразовывается в *разнородную прерывность*. Эти два основных способа рационализации действительности и делают последнюю предметом науки.

Коль скоро гносеология занимается проблемой отношения познания к действительности, а выделенные способы представляют собой наиболее фундаментальные познавательные возможности упорядочения последней, нетрудно догадаться, что искомое нами гносеологическое основание упорядочивающих методов кроется именно здесь. Оно состоит в рациональной необходимости опредмечивания объекта познания, которая может осуществляться либо в рамках преобразования реального гетерогенного континуума в однородную непрерывность – что гносеологически обосновывает для нас *метод типологизации* (так как именно вынесение типа есть однородное обобщение познаваемого континуума); либо в рамках преобразования реального гетерогенного континуума в разнородную дискретность – что гносеологически обосновывает для нас *метод классификации* (так как именно выделение класса есть дискретное уточнение реальной познаваемой разнородности).

Итак, мы нашли гносеологические основания упорядочения, однако их ни в коем случае не следует путать с предметными методологическими основаниями. Гносеологическое

рассмотрение относит метод непосредственно к действительности и выискивает таким образом его основание, сам же метод в своей реализации относится к действительности опосредствованно. Это означает, что предметное основание метода всегда противоположено к его гносеологическому основанию. Так, если гносеологическое основание типологии состоит в гомогенном упорядочении континуальности, то это значит, что типология должна реализовываться над такой континуальной предметностью, которая предварительно дана в гетерогенной неупорядоченности. И если гносеологическое основание классификации состоит в дискретном упорядочении гетерогенного, значит метод реализуется над такой гетерогенной предметностью, которая предварительно дана в континуальной слитности. Выявив и гносеологические, и предметные основания классификации и типологии, мы можем построить промежуточные определения для обоих методов.

Промежуточная дефиниция 1. Классификация есть дискретное упорядочение континуальной гетерогенности.

Промежуточная дефиниция 2. Типология есть гомогенное упорядочение гетерогенной континуальности.

Как видно из этих определений, данные методы могут хорошо взаимодополнять друг друга в исследовании какого-либо реального объекта, однако их предметности при этом будут противоположны.

Добавив к этим дефинициям результаты онтологического рассмотрения, получим сущностные определения для обоих методов. Очевидно, дело будет заключаться в распределении модусов существенности (*Was*) и фактичности (*Daß*). Тогда получим следующие определения.

Дефиниция 1. Классификация есть дискретное упорядочение континуальной гетерогенности по существенным (и собственным) признакам.

Дефиниция 2. Типология есть гомогенное упорядочение гетерогенной континуальности по фактическим признакам.

Итак, выявив общие онтологическое и гносеологическое основания методов упорядочения и дав им четкие определения, нетрудно сделать выводы о специфике частного соотношения классификации и типологии с предметом наук о религии.

Выводы

Мы показали, что вопрос о классификации и типологии в науках о религии требует проблематического рассмотрения, поскольку предметное поле религиоведения до конца не структурировано ни на формальном уровне межпредметного разграничения, ни на содержательном уровне внутри предметного материала. Скорее всего, это обуславливается тем, что предмет науки о религии представляет собой не элемент действительности, как, например, в естественных и точных науках, а ее область, которая объемлет множество элементов различной природы. Религия имеет немалое количество измерений: философское, социальное, моральное, психологическое, историческое, эстетическое и др. – такой же многомерной становится и наука о ней.

Всякий метод возникает на основании того или иного проблематического ядра, вскрыть которое в рамках логики оказывается невозможным по той причине, что эта наука занимается формами мысли безотносительно к содержанию. Мы выяснили, что поиск такого ядра относительно методов упорядочения правомерно осуществлять лишь путем последовательной онтологической и гносеологической проблематизации. Этот путь привел нас к спору об универсалиях, который не разрешается напрямую. Таким образом, что продуктивные познавательные результаты далее может обеспечить лишь позиция философского критицизма. Обратившись к разработкам критической онтологии и критической гносеологии, мы определили общие философские основания упорядочивающего метода и дали четкие дефиниции двум его основным разновидностям, классификации и типологии. В результате этого также было выявлено, что на онтологическом уровне проблема упорядочения выражается в рамках апории фактивности и существенности, а на гносеологическом – в рамках противоположения идиографического и номотетического.

Применяя полученные методологические результаты к наукам о религии, можно заключить, что сообразование упорядочивающего метода с их предметностью предполагает, во-первых, общее межпредметное разделение наук, которое должно учитывать оппозицию фактивности и существенности по линии раздела философии религии и религиоведения, а во-вторых, распределение приоритетов упорядочивающих задач, которое должно считаться с оппозицией номотетическо-

го и идиографического в рамках осуществления классифицирования и типологизации. Результатом такого сообразования может стать раздельное, но взаимодополняющее сочетание полноты и конкретности познания объекта, рассматриваемого с противостоящих предметных позиций, соответствующих противоположащим методологическим характеристикам классификации и типологии.

Список литературы

1. Аристотель. Топика // Аристотель. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / под ред. З. Н. Миселадзе. – М.: Мысль, 1978. – С. 347–531.
2. Астапов С. Н. О демаркации предметов исследования философии религии и религиоведения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 5. – С. 112–121.
3. Васильева Е. Н. Зарубежная историография классификаций религий в XIX – начале XX вв. // Религиоведческие исследования. – 2016. – № 14. – С. 213–249.
4. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют // Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 15–180.
5. Кожара В. Л. Основы классиологии. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2021. – 484 с.
6. Кринцюс К. В. Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 184–199.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление: Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / пер. с фр. Я. Плана, под ред. В. К. Никольского и А. В. Кисина. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 344 с.
8. Омельченко В. В. Общая теория классификации. Часть I. Основы системного познания действительности. – М.: Маска, 2008. – 436 с.
9. Омельченко В. В. Общая теория классификации. Часть II: Теоретико-множественные основания. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 296 с.
10. Покровский М. П., Васильева Е. Н. Как возможна классификация религий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 230–247.
11. Покровский М. П. Введение в классиологию. – Екатеринбург: ИГГ УрО РАН, 2014. – 484 с.
12. Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. – СПб.: Издательство Русской христианской академии, 2013. – 365 с.
13. Субботин А. Л. Классификация. – М.: ИФ РАН, 2001. – 84 с.
14. Парадигмы исследования религии в XXI в. Коллективная монография / под ред. О. Ю. Бойцовой. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2020. – 224 с.
15. Cassirer E. Zur Logik der Kulturwissenschaften. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2011. – 161 s.
16. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. – Berlin: WALTER DE GRUYTER & CO, 1965. – 322 s.
17. Kant I. Kritik der Reinen Vernunft. – Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1919. – 864 s.
18. Otto R. Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. – Gotha: Leopold Klotz Verlag, 1926. – 260 s.
19. Ratschow C. H. Methodik der Religionswissenschaft // Enzyklopadie der Geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden. 9. Lieferung: Methoden der Anthropologie, Antropogeographie, Völkerkunde und Religionswissenschaft. – München: Oldenbourg Verlag, 1973. – S. 347–400.
20. Rickert H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. – Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebek), 1926. – 145 s.

1. Aristotel' (1978) *Topika* [Topics]. Sobranie sochinenij v 4 tomach. T. 2 [Collected works. In 4 vols. V. 2]. Moskva: Mysl'. Pp. 347–531. (In Russian).
2. Astapov, S. N. (2018) O demarkacii predmetov issledovaniya filosofii religii i religiovedeniya [On the demarcation of the subjects of study of philosophy of religion and religious studies]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 5. Pp. 112–121. (In Russian).
3. Vasil'eva, E. N. (2016) Zarubezhnaya istoriografiya klassifikacij religij v XIX – nachale XX vv. [Foreign historiography of classifications of religions in the XIX – early XX centuries]. *Religiovedcheskie issledovaniya* [Religious studies]. No. 14. Pp. 213–249. (In Russian).
4. Golosovker, Ya. E. (2012) *Imaginativnyj absolyut* [Imaginative absolute]. *Imaginativnyj absolyut* [Imaginative absolute]. Moskva: Akademicheskij Proekt, Pp. 15–180. (In Russian).
5. Kozhara, V. L. (2021) *Osnovy klassiologii* [Fundamentals of classiology]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya. (In Russian).
6. Krincyus, K. V. (2024) Propedeutika klassifikacionnogo metoda v filosofii religii i religiovedenii [Propaedeutics of the classification method in philosophy of religion and religious studies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 184–199. (In Russian).
7. Levi-Bryull', L. (2023) *Pervobytnoe myshlenie: Kollektivnye predstavleniya v soznanii pervobytnyh lyudej i ih misticheskij harakter* [Primitive thinking: Collective representations in the minds of primitive people and their mystical character]. Moskva: LENAND. (In Russian).
8. Omel'chenko, V. V. (2008) Obshchaya teoriya klassifikacii. Chast' I. *Osnovy sistemnogo poznanija dejstvitel'nosti* [General theory of classification. Part I. Fundamentals of systemic cognition of reality]. Moskva: Maska. (In Russian).
9. Omel'chenko, V. V. (2010) Obshchaya teoriya klassifikacii. Chast' II: Teoretiko-mnozhestvennye osnovaniya [General theory of classification. Part II: Theoretical and plural foundations]. Moskva: Knizhnyj dom LIBROKOM. (In Russian).
10. Pokrovskij, M. P., Vasil'eva, E. N. (2022) Kak vozmozhna klassifikaciya religij [How classification of religions is possible]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 230–247. (In Russian).
11. Pokrovskij, M. P. (2014) *Vvedenie v klassiologii* [Introduction to classiology]. Ekaterinburg: IGG UrO RAN. (In Russian).
12. Smirnov, M. Yu. (2013) *Religiya i religiovedenie v Rossii* [Religion and religious studies in Russia]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj akademii. (In Russian).
13. Subbotin, A. L. (2001) *Klassifikaciya* [Classification]. Moskva: IF RAN. (In Russian).
14. Bojcov, O. Yu. (2020) (ed.) *Paradigmy issledovaniya religii v XXI v.* Kollektivnaya monografiya [Paradigms of religious research in the 21st century. A collective monograph]. Moskva: Izdatel' Vorob'ev A. V. (In Russian).
15. Cassirer, E. (2011) *Zur Logik der Kulturwissenschaften* [On the logic of cultural studies]. Hamburg: Felix Meiner Verlag. (In German).
16. Hartmann, N. (1965) *Zur Grundlegung der Ontologie* [On the foundation of ontology]. Berlin: WALTER DE GRUYTER & CO. (In German).
17. Kant, I. (1919) *Kritik der Reinen Vernunft* [Critique of Pure Reason]. Leipzig: Verlag von Felix Meiner. (In German).
18. Otto, R. (1926) *Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen* [The Sacred: About the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. Gotha: Leopold Klotz Verlag. (In German).
19. Ratschow, C. H. (1973) *Methodik der Religionswissenschaft* [Methodik der Religionswissenschaft] *Enzyklopadie der Geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden. 9 Lieferung: Methoden der Anthropologie, Antropogeographie, Volkerkunde und Religionswissenschaft* [nzyklopadie der Geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden. 9 Education: methods of anthropology, anthropogeography, folklore and religious studies]. München: Oldenbourg Verlag. Pp. 347–400. (In German).
20. Rickert, H. (1926) *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft* [Cultural Studies and Natural Science]. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebek). (In German).

Информация об авторе

Кринцюс Кирилл Викторович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-3046-039X, e-mail: krincyus@bk.ru

Information about the author

Kirill V. Krintsius – postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0007-3046-039X, e-mail: krincyus@bk.ru

Поступила в редакцию: 20.06.2025

Принята к публикации: 20.07.2025

Опубликована: 25.09.2025

Received: 20 June 2025

Accepted: 20 July 2025

Published: 25 September 2025